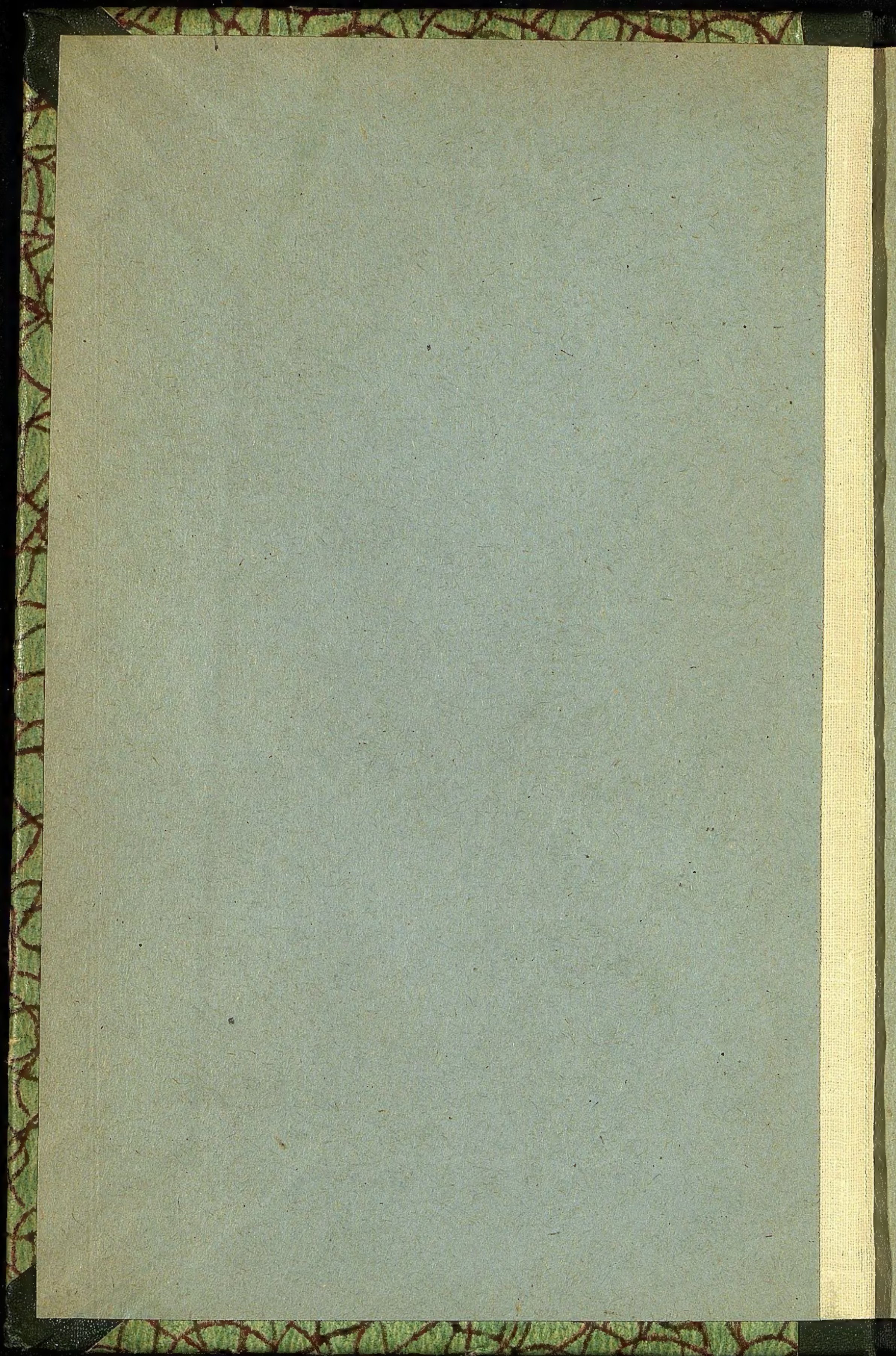
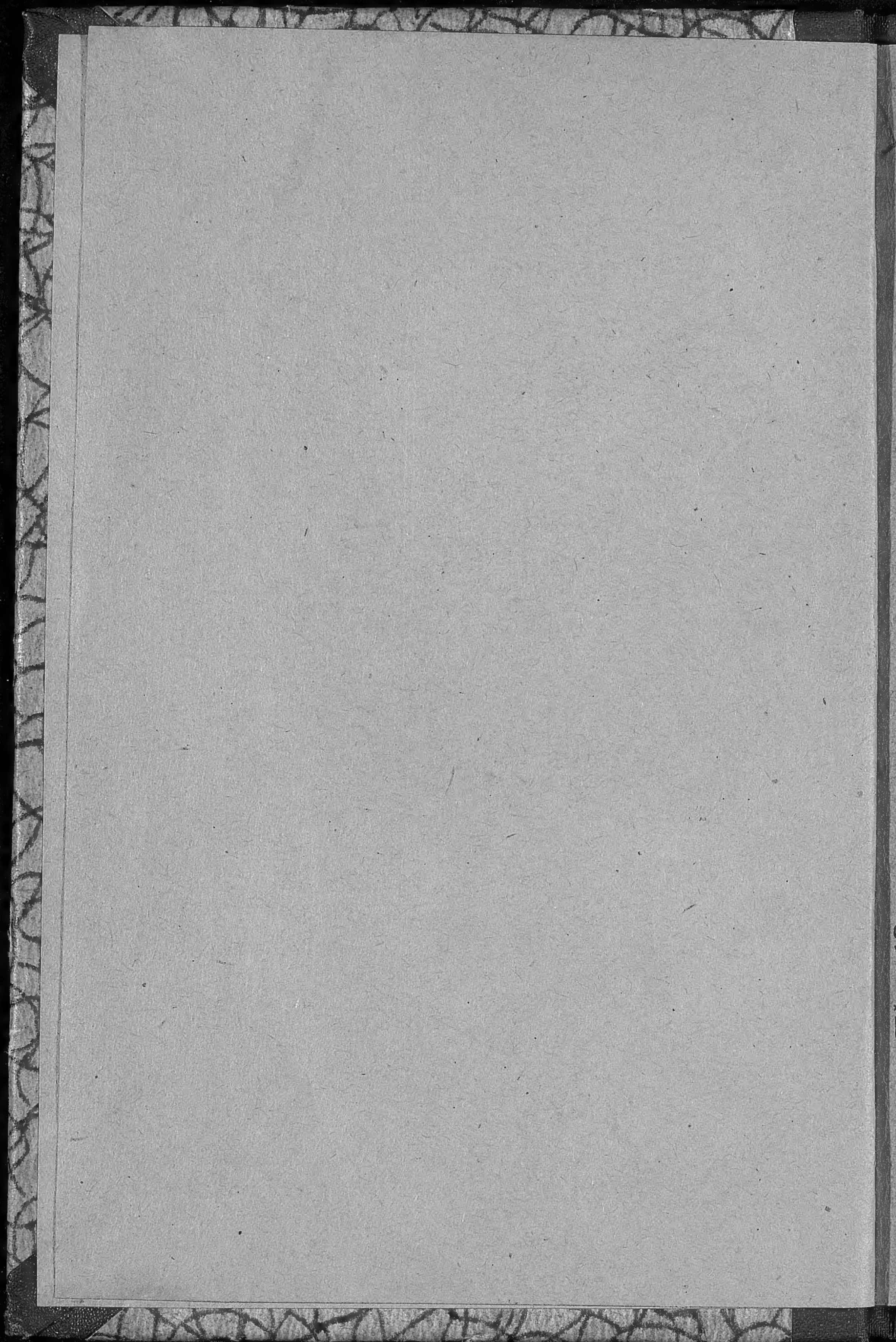
Якушкин В.
"Крестьянская реформа 1861 г. и русское общество"
М., 1906.

Библіотека „СВОБОДНАЯ РОССІЯ“, № 17.
Подъ общей редакціей С. П. Мельгунова и П. М. Шестакова.

В. Якушкинъ.

КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА 1861 ГОДА И РУССКОЕ ОБЩЕСТВО.

Цѣна 10 коп.

Изданіе Е. В. Кожевниковой и Е. А. Коломійцевой.

МОСКВА.

Типографія Г. Лисснера и Д. Собко.

Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лисснера.
1906.

Библіотека „СВОБОДНАЯ РОССІЯ“, № 17.
Подъ общей редакціей С. П. Мельгунова и П. М. Шестакова.

В. Якушкинъ.

КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА
1861 ГОДА
И
РУССКОЕ ОБЩЕСТВО.

Цѣна 10 коп.

Изданіе Е. В. Кожевниковой и
Е. А. Коломійцевой.

МОСКВА.

Типографія Г. Лисснера и Д. Собко.
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лисснера.

1906.

Крестьянская реформа 1861 г. и русское общество.

(Изъ исторіи русскаго общественнаго настроенія).

Эпоха великихъ реформъ, начавшаяся пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ и создавшая новую Россію, положившая основы ея дальнѣйшаго развитія, поставившая задачи и опредѣлившая цѣли необходимаго прогресса,— эпоха великихъ реформъ была ознаменована такимъ общественнымъ оживленіемъ, такимъ подъемомъ общественнаго настроенія, которые по своему характеру и значенію являются исключительно важными. И это общественное настроеніе было и результатомъ реформъ, и вмѣстѣ ихъ причиной, обезпечивало ихъ правильную разработку и осуществленіе. Какъ всегда въ сложномъ жизненномъ процессѣ, въ сложныхъ общественныхъ явленіяхъ условія и обстоятельства переплетаются такъ, что нелегко бываетъ установить характеръ ихъ взаимныхъ отношеній, значеніе ихъ взаимной связи, но самая связь остается внѣ сомнѣнія.

За послѣдніе годы въ нашей литературѣ появилось немало новыхъ данныхъ о той знаменательной эпохѣ. Мы получили и записки современниковъ, ихъ воспоминанія, дневники, получили корреспонденцію выдающихся дѣятелей того времени, письма извѣстныхъ или даже и совсѣмъ неизвѣстныхъ современниковъ, мы получили и монографическія работы, посвященныя тому или другому отдѣльному лицу, но заключающія общіе матеріалы.

Предлагаемая статья не сообщитъ читателю ничего новаго, но повторитъ въ извѣстномъ сопоставленіи наиболѣе характерный матеріалъ для оцѣнки общественнаго настроенія въ срединѣ пятидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка. Статья вовсе не задается цѣлью дать общую исторію общественнаго движенія того времени,— она только напомнитъ и сопоставитъ рядъ фактовъ, характеризующихъ силу, значеніе, направленіе общественнаго настроенія.

Поворотнымъ пунктомъ въ исторіи той эпохи было, несомнѣнно, наступленіе новаго царствованія, которое и вывело Россію на путь коренныхъ преобразованій. Значеніе этого момента несомнѣнно, но не слѣдуетъ также преувеличивать этого значенія. Новое царствованіе, личность и направленіе Александра II облегчили и ускорили ходъ дѣла, но причина начавшихся реформъ лежала не въ личности и настроеніи молодого государя, а въ общихъ условіяхъ, въ общемъ сознаніи. Прежній режимъ вполнѣ выказалъ свою непригодность: онъ привелъ Россію къ тяжелой войнѣ, къ непривычнымъ пораженіямъ и потерямъ; общія плачевныя послѣдствія его съ полной опредѣленностью выказались во время военнаго испытанія. Всѣмъ стала ясна непригодность и испорченность всего прежняго порядка, его безсиліе, вся ложность его основъ и его цѣлей. Наступленіе новаго царствованія облегчило, ускорило рѣшительный поворотъ, отказъ отъ прежнихъ порядковъ, облегчило исканіе новыхъ устоевъ для пошатнувшейся русской жизни, но основное впечатлѣніе о необходимости преобразованій, основное настроеніе въ пользу этихъ преобразованій не зависѣло отъ перемѣны на престолѣ. Еще до этой перемѣны новое направленіе давало себя опредѣленно чувствовать; оно сказывалось даже въ оффиціальныхъ сферахъ, и въ отдѣльныхъ мѣрахъ, и въ общемъ ихъ настроеніи. Слабыя и разрозненныя мѣры направлялись къ исправленію прежнихъ ошибокъ, къ

иной постановкѣ цензуры, къ нѣкоторому послабленію невозможныхъ правилъ по университетамъ и т. п. Все это было еще очень слабо, но и это было уже признаніемъ, не вполнѣ добровольнымъ и не вполнѣ яснымъ, ошибокъ недавняго прошлаго.

Когда императоръ Николай I скончался, это событіе произвело сильное впечатлѣніе на общество и скоро отразилось на положеніи дѣлъ. 18 февраля 1855 года разнеслась по Петербургу вѣсть о смерти государя и поразила своей неожиданностью. По этому поводу Никитенко записалъ въ дневникѣ такія впечатлѣнія: «Я всегда думалъ, да и не я одинъ, что императоръ Николай переживетъ и насъ, и дѣтей нашихъ, и чуть не внуковъ. Но вотъ его убила несчастная война. Начиная ее, онъ не предвидѣлъ, что она превратится въ такое бремя, котораго не снесутъ ни нравственныя, ни физическія его силы. Въ настоящихъ обстоятельствахъ смерть его является особенно важнымъ событіемъ, которое можетъ повести къ неожиданнымъ результатамъ. Для Россіи наступаетъ очевидно новая эпоха. Императоръ умеръ! Да здравствуетъ императоръ! Длинная и надо таки сознаться безотрадная страница въ исторіи русскаго царства дописана до конца. Новая страница перевертывается въ ней рукою времени. Какія событія занесетъ на нее новая царственная рука, какія надежды осуществитъ она?“ Черезъ мѣсяцъ Никитенко писалъ: „Теперь только открывается, какъ ужасны были для Россіи прошедшія 29 лѣтъ. Администрація въ хаосѣ; нравственное чувство подавлено; умственное развитіе остановлено; злоупотребленія и воровство выросли до чудовищныхъ размѣровъ. Все это — плодъ презрѣнія къ истинѣ и слѣпой вѣры въ одну матеріальную силу“. Дальше въ томъ же дневникѣ мы находимъ такую запись: „Главный недостатокъ царствованія Николая Павловича тотъ, что все оно было — ошибка. Возставая

цѣлыя двадцать девять лѣтъ противъ мысли, онъ не погасилъ ея, а сдѣлалъ оппозиціонною правительству". Въ такомъ же смыслѣ высказывался въ одномъ изъ своихъ писемъ Кошелевъ. „Тридцать лѣтъ насъ душили, становили подъ безвоздушный колоколъ, старались всячески погасить въ насъ и волю и умъ"... Привѣтствуя новое царствованіе, М. А. Дмитріевъ писалъ Погодину: „При добромъ царствованіи и мы сдѣлаемся авось лучше: любовь изгоняетъ страхъ, сказано у апостола Павла. А вмѣстѣ со страхомъ изгналась бы такая подлость, которая перешла всѣ предѣлы, тотъ обманъ, въ которомъ, такъ сказать, стакнулась вся Россія, и на которыхъ выросли поколѣнія"... Иванъ Аксаковъ говорилъ въ письмѣ къ кн. Оболенскому: „Возникаетъ новая эра государственнаго бытія, начинается новая эра и для нравственно-общественнаго существованія каждаго русскаго"... Хомяковъ писалъ Гильфердингу: „Дай Богъ доброй воли и яснѣйшаго пониманія молодому государю! Особенно дай Богъ ему довѣрія къ Россіи и невѣрія къ тѣмъ, кто оподозриваетъ всякое умственное движеніе. Мы дошли до великихъ бѣдъ и срама по милости одного — умственнаго сна"... Тотъ же Хомяковъ въ письмѣ къ А. Н. Попову высказывался такъ: „Сумѣемъ ли мы оправдать себя теперь, или наша бездѣйственность покажетъ, что мы даже не заслуживаемъ возможности дѣйствовать? Скорыхъ перемѣнъ я не жду, но характеръ будущаго царствованія будетъ непремѣнно зависѣть отъ того, кто первый подадутъ голосъ: честные или бездушные? Это рѣшитъ отчасти вопросъ: можно или нѣтъ уважать эту землю; можно или нѣтъ довѣрять ей и позволить мыслить вслухъ и жить общительно? Велика отвѣтственность на всѣхъ и на каждомъ"...

Надежды и пожеланія Хомякова исполнились. „Честные люди" очень скоро выступили съ своими заявленіями, быстро возбудили общественное мнѣніе и овладѣли имъ, направляя его къ основной цѣли, къ перемѣнѣ

обветшавшаго строя, къ изгнанію изъ русской жизни института формальнаго рабства, къ уничтоженію устарѣлыхъ формъ, къ обновленію. Мы находимъ въ одной газетѣ 1860 года такое изображеніе общественнаго возбужденія, вызваннаго постановкой крестьянскаго вопроса. „И въ роскошныхъ палатахъ губернскихъ богачей, и въ скромныхъ усадьбахъ небогатыхъ помѣщиковъ, и въ домикахъ сельскихъ причтовъ, и въ купеческихъ конторахъ, и въ квартирахъ чиновниковъ вездѣ слышались одни разсужденія о крестьянскомъ дѣлѣ... Рѣшительный перевѣсъ одержало мнѣніе, озаренное свѣтомъ общечеловѣческаго образованія молодого поколѣнія. Передъ полнымъ свѣжести и разумной силы строемъ этихъ людей поникла, въ сознаніи безсилія, отжившая рутина, не безъ огорченія видѣвшая паденіе своего авторитета. Люди, прежде никогда ничего не читавшіе, начали учиться, начали слѣдить за литературой, начали знакомиться съ фантазіями молодости и сознавать, что безъ этихъ фантазій трудно жить въ нынѣшнемъ свѣтѣ. За два послѣдніе года провинція росла не по днямъ, а по часамъ: взглядъ ея расширился и уяснился. Въ самыхъ глухихъ городахъ, гдѣ до сихъ поръ всѣ насущные интересы состояли въ картахъ, водкѣ, взяткахъ и сплетняхъ, являются публичныя библіотеки, журналы и газеты выписываются десятками экземпляровъ; имѣть у себя книги сдѣлалось потребностью этихъ городовъ. Вездѣ и повсюду люди развивались, созрѣвали, выходили на свѣтлую дорогу просвѣщенія изъ темныхъ норъ апатіи и невѣжества. Долго жившіе въ провинціи и оставившіе ее года три-четыре передъ симъ, глазамъ, ушамъ своимъ не вѣрятъ, глядя на обновленную, переродившуюся родину“... Въ этой картинѣ, можетъ-быть, слишкомъ много оптимизма и даже панегирика, но несомнѣнно, что въ то время создалось и выразилось опредѣленное общественное мнѣніе, которое руководимо было либеральными идеями „честныхъ людей“ и оказывало самое

рѣшительное вліяніе. Еще раньше того времени, когда писана была приведенная характеристика, еще въ самомъ началѣ разсматриваемаго періода, на юбилеѣ актера Щепкина, Константинъ Аксаковъ провозгласилъ тостъ „въ честь общественнаго мнѣнія". Тостъ былъ встрѣченъ страшными оваціями, и впечатлѣніе его не могло быть изглажено послѣдовавшими рѣчами о театрѣ, объ искусствѣ... Этотъ тостъ,— который цензура не дозволила, конечно, помѣстить въ газетномъ отчетѣ о юбилеѣ Щепкина,— былъ какъ бы пророческимъ: общественное мнѣніе скоро пріобрѣло рѣшительное вліяніе въ русской жизни.

Гласность получила особое и двойное значеніе въ ходѣ крестьянской реформы. Съ одной стороны, гласность относительно самаго хода работъ по реформѣ, опубликованіе во всеобщее свѣдѣніе основныхъ предположеній правительства и предварительныхъ мѣръ, имъ принимаемыхъ, закрѣпляя сдѣланное и достигнутое, вызывала вмѣстѣ съ тѣмъ успокоеніе въ народѣ, и, по офиціальнымъ свидѣтельствамъ, со времени опубликованія рескриптовъ и циркуляровъ по крестьянскому вопросу народъ сталъ спокойно ждать окончанія предпринятаго дѣла, съ другой стороны, допущенная до нѣкоторой степени печатная гласность позволила выяснить обществу сущность поставленной задачи и ея подробности, подготовила къ совершенію реформы.

Но печатная гласность, — мы еще вернемся къ ея положенію въ то время, — была, конечно, далека отъ необходимой степени свободы. Ее, понятно, дополняла гласность устная, постоянный обмѣнъ мнѣній въ обществѣ и въ частныхъ собраніяхъ и на болѣе или менѣе публичныхъ банкетахъ. Общество переживало важную эпоху и не могло такъ или иначе не высказываться по основнымъ вопросамъ, поставленнымъ жизнью. Послѣ изданія перваго рескрипта по крестьянскому дѣлу въ Москвѣ 28 декабря 1857 г. состоялся многолюдный обѣдъ во

славу начала освободительной реформы. На этомъ обѣдѣ было сказано много рѣчей, въ которыхъ опредѣлялось общее значенie переживаемыхъ событiй, обсуждались существенные вопросы предстоящей реформы. Столь знаменитый впослѣдствiи Катковъ говорилъ на этомъ обѣдѣ: „Бываютъ эпохи, когда всякому ясно чувствуется присутствie Промысла въ жизни, когда въ глубинѣ души каждаго слышатся явственно отвѣты настоящаго на вопросы прошедшаго, — отвѣты, вносящiе миръ и благоволенie въ сердца людей, возстанавливающiе смыслъ, правду и равновѣсie въ жизни, — эпохи, когда силы мгновенно обновляются и созрѣваютъ, когда люди съ усиленнымъ бieнieмъ собственнаго сердца сливаются въ общемъ дѣлѣ и въ общемъ чувствѣ; благо поколѣнiямъ, которымъ суждено жить въ такiя эпохи! Благодаренie Богу, намъ суждено жить въ такую эпоху“.

Для Россiи настала новая эпоха, когда общественныя силы, одушевленныя любовью ко благу родины, энергично выступали со своею обновительною работой, когда онѣ подвергали строгому осужденiю безсилie и негодность ветхаго, гнилого прежняго порядка, когда онѣ энергично и самоотверженно выступали въ дѣлѣ выясненiя и удовлетворенiя всенародной потребности.

Бюрократизмъ съ его представителями и съ его прieмами подвергался тогда горячему, но справедливому осужденiю. Въ отзывахъ современниковъ мы находимъ очень характерную оцѣнку и лицъ, и системы, и прieмовъ, и результатовъ. Въ 1856 г. Кавелинъ пишетъ Погодину изъ Петербурга: „Меня въ ужасъ приводитъ, что когда вымрутъ послѣднie александровскie, ни одной головы не останется. Повѣрьте, что я не преувеличиваю и говорю съ сожалѣнieмъ какъ по-писанному, ибо у меня подъ глазами происходитъ: какъ только намордники свалились, старичье разболталось, и тутъ-то вы видите всю разницу между поколѣнieмъ александровскимъ и солдатами и писарями (николаевскими). Не Богъ знаетъ

какъ густы графъ Киселевъ и графъ Блудовъ, а я просто боюсь, когда вспоминаю, что имъ обоимъ за семьдесять; за ними идутъ Долгорукіе, Норовы, Броки, Панины, Анненковы, Ростовцевы. Побывайте въ кухнѣ, гдѣ готовятся государственныя мѣры и законы, да послушайте этихъ господъ, и васъ страхъ возьметъ; нѣтъ, лучше мужикъ изъ-за сохи, лучше торгашъ базарный чѣмъ эти... годные только на мелкія интрижки..., потерявшіе изъ-за нихъ простой здравый смыслъ, которымъ русскіе люди одарены такъ богато. Этому отребью человѣческаго рода, паріямъ русскаго міра предстоитъ предсѣдательство въ комитетѣ и въ государственномъ совѣтѣ и самые сильные голоса въ качествѣ министровъ... Не могу равнодушно вспоминать про то что̀ было и что̀ долго еще будетъ насъ путать и валять въ грязи. Позоръ и униженіе душъ и сердецъ русскихъ жгутъ мнѣ внутренность, особенно, когда размышляю, что все это пришло обдуманно, умышленно и разсчитанно"...

Въ маѣ 1859 г. Никитенко былъ во дворцѣ на выходѣ и записалъ совершенно подобное впечатлѣніе въ свой дневникъ: „Сегодня былъ большой выходъ, и потому во дворцѣ собралась толпа гражданскихъ и военныхъ чиновъ... Смотря на этихъ людей, я еще разъ пришелъ къ заключенію, какъ трудно въ этихъ головахъ, подъ этими блестящими мундирами, зародиться мысли объ общественномъ благѣ, о которомъ если въ эту минуту здѣсь кто-нибудь думалъ, то одинъ только государь. Имъ некогда заниматься этою мыслью; они всѣ поглощены заботами о выставленіи себя, о представленіяхъ, о своихъ мѣстахъ, лентахъ, мундирахъ и т. д. Нѣтъ, не отсюда, а изъ нѣдръ народа могутъ вытекать истины о нуждахъ его и слагаться мысли, какъ удовлетворить этимъ нуждамъ".

Тревожныя обстоятельства военнаго времени, вскрывшаго всю возмутительную неприглядность нашихъ порядковъ, дѣйствовали парализующимъ образомъ на глав-

ныхъ представителей правительства, обнаруживавшихъ ясно полную растерянность. П. С. Савельевъ писалъ въ октябрѣ 1856 г. Погодину: „Я вамъ давно ничего не писалъ, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, потому что не до того. Всѣ мы въ тревожномъ состояніи духа, никто ничего не дѣлаетъ, никто не принимается за что-нибудь новое, всѣ чего-то ждутъ и откладываютъ дѣла, говоря: до того ли теперь? Когда говоришь о чемъ-либо графу Перовскому, онъ отвѣчаетъ: помилуйте, до того ли теперь. Графъ Блудовъ не подписываетъ ни одной бумаги, говоря: помилуйте, теперь не до того! Хорошо, что они чувствуютъ всю знаменательность настоящаго положенія, да жаль, что при этомъ нѣмѣютъ у нихъ руки и голова“... И въ томъ же письмѣ сообщается о страшномъ воровствѣ чиновниковъ, о томъ, какъ изъ Севастополя въ разные банки на имя неизвѣстныхъ переведены милліоны. Надъ вопросомъ о воровствѣ чиновниковъ останавливается около этого же времени другой корреспондентъ Погодина кн. Д. А. Оболенскій... „Безпрерывно въ высшихъ кругахъ спрашиваютъ: какъ сдѣлать, чтобы чиновники не воровали казну и чтобы чиновники честно исполняли свои обязанности? Чтобы отвѣчать на подобные вопросы, нужно показать, какъ правительство послѣдовательно убивало въ человѣкѣ вообще, а въ чиновникѣ въ особенности всякое чистое побужденіе, какъ чиновникъ на всѣхъ ступеняхъ службы, примирясь со всякой неправдой, охладѣваетъ къ общественному дѣлу, не имѣя никакой поддержки въ общественномъ мнѣніи, никакого нравственнаго вознагражденія за борьбу противъ неправды, — какъ честный человѣкъ съ независимымъ мнѣніемъ преслѣдовался правительствомъ, какъ коммунистъ. Какъ невозможно требовать отъ человѣка, чтобы онъ былъ честенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ безропотно выносилъ все то, что долженъ былъ выносить всякій служащій, начиная съ министра до писаря“...

Извѣстно, какое сильное впечатлѣніе произвелъ циркуляръ великаго князя Константина Николаевича по морскому вѣдомству, направленный противъ офиціальной лжи въ докладахъ и донесеніяхъ. Но Иванъ Аксаковъ нашелъ, что циркуляръ этотъ бьетъ не въ корень... Онъ писалъ своему отцу: „Что касается циркуляра великаго князя, то, разумѣется, я радуюсь всей душой этому явленію, но не то понимаютъ они подъ офиціальною ложью; это не значитъ ложь донесеній, а ложь формализма, ложь истекающая изъ самаго начала административнаго, изъ понятія о казнѣ и проч., и проч., и проч.“. И Хомяковъ въ одномъ изъ своихъ писемъ восклицаетъ: „И какъ сильна дружина людей, находящихъ свои выгоды въ духотѣ земли и въ темнотѣ!“

Общественное мнѣніе рѣшительно и безповоротно осуждало прошлое и оно, конечно, не могло не относиться съ еще болѣе горячимъ осужденіемъ къ настоящему, къ продолжавшемуся примѣненію прежней, державшейся системы. Извѣстно, какъ въ Тамбовѣ въ 1856 г. были произведены обыски, возмутительные по своей обстановкѣ и по неосновательности. Общественное мнѣніе не могло отнестись спокойно къ подобнымъ явленіямъ. Кавелинъ писалъ Погодину: „Подробности домашнихъ обысковъ въ Тамбовѣ отвратительны. Такъ и чуешь, что тайная полиція, имѣя крайнюю надобность заявить о своемъ существованіи, алчетъ и жаждетъ добычи“. Когда въ 1859 г. Аксаковъ, во время преслѣдованія цензурой его газеты „Парусъ“, имѣлъ объясненія съ начальникомъ штаба корпуса жандармовъ генераломъ Тимашевымъ, онъ между прочимъ сказалъ: „Вы боитесь, ваше превосходительство, революціи. Вы правы. Намъ дѣйствительно угрожаетъ революція, потому что есть заговорщики“. — Какъ, — спросилъ съ ужасомъ Тимашевъ, — гдѣ они? — „Въ третьемъ отдѣленіи: третье отдѣленіе своимъ преслѣдованіемъ мысли, своимъ гнетомъ готовитъ революцію, ссоря мыслящій классъ съ

нашимъ добрѣйшимъ государемъ". Тимашевъ настаивалъ на ссылкѣ Ивана Аксакова въ Вятку, но дѣло кончилось на этотъ разъ только запрещеніемъ „Паруса". Аксаковъ послѣ этого уѣхалъ за границу и подъ впечатлѣніемъ извѣстій изъ Россіи о ссылкѣ тверскихъ дѣятелей, Унковскаго, Европеуса, Головачева, и другихъ подобныхъ же новостей писалъ своему отцу изъ Мюнхена: „Я долженъ сказать, что здѣсь, внѣ Россіи, еще болѣзненнѣе отдаются во мнѣ всѣ эти гнетущія безсмыслицы. Издали Россія представляется такою сплошною массой безобразія, что здороваго ядра подъ этою толстою корою и не видно"... Положеніе дѣлъ, неустойчивость въ принимаемыхъ мѣрахъ, привычка къ старымъ пріемамъ бюрократическаго произвола были таковы, что нерѣдко наводили сомнѣніе, когда же Россія пойдетъ по новому пути, способна ли она на него выйти. Подъ впечатлѣніемъ извѣстій о настроеніи по цензурному вопросу въ самыхъ высшихъ сферахъ Никитенко въ срединѣ 1859 г. записалъ въ своемь дневникѣ: „Мы, какъ говорится,— на попятный дворъ. Это замѣтно и относительно печати, и относительно многаго другаго. Жаль, очень жаль. Много еще будетъ испытано ненужныхъ бѣдствій". Черезъ нѣсколько дней онъ пишетъ еще: „Запрещено употреблять въ печати слово прогрессъ. Въ самомъ дѣлѣ, это — безсмысленное слово въ приложеніи къ XIX вѣку, который утописты превозносятъ до небесъ, обѣщая, что онъ родитъ чудеса прогресса .. У насъ хорошъ прогрессъ своего рода, когда даже запрещается употреблять это слово; у насъ поворотъ назадъ становится очевиднымъ изъ нѣкоторыхъ мѣръ"... И въ другомъ мѣстѣ читаемъ у того же Никитенка: „Какая жалость, что дѣла такъ идутъ. Они разрушаютъ возможность сближенія того, кто мыслитъ въ Россіи съ правительствомъ, и какъ мы ни привыкли къ дурному управленію, какъ ни мало у насъ средствъ противодѣйствія ему, но тутъ неизбѣжно зло, и зло

великое. Съ одной стороны, быстрое послѣдовательное погруженіе въ хаосъ всяческихъ административныхъ безпорядковъ и неурядицы, съ другой — разливъ мнѣній, уже совершенно противоположныхъ всякому ретроградному движенію, — мнѣній опасныхъ, когда они сдѣлаются нормальнымъ состояніемъ умовъ. А наверху плачевная неспособность дать какое-нибудь стройное и разумное направленіе вещамъ, — вѣдь это дурно, изъ рукъ вонъ дурно! Правительство испугано движеніемъ, какое у насъ съ нѣкотораго времени образовалось. Оно не хочетъ сидѣть сложа руки, а дѣйствовать оно привыкло однимъ способомъ — способомъ удержанія... Оно не понимаетъ, что дѣйствовать значитъ управлять, направлять; да и понять ему трудно, потому что оно не допускаетъ къ себѣ никакихъ способностей"...

Неустойчивость и колебаніе правительства между новымъ курсомъ и старыми традиціями и привычками въ полной мѣрѣ сказывались въ области печати. Несомнѣнно, что въ то время печати русской была предоставлена значительная степень свободы, и это дало ей возможность сыграть ту выдающуюся роль, которая ей принадлежитъ въ разработкѣ и проведеніи крестьянской реформы; но вмѣстѣ съ тѣмъ правительство и въ эти годы постоянно примѣняло рядъ репрессивныхъ мѣръ по отношенію къ печати вообще, и въ частности именно въ области крестьянскаго вопроса. Далекій отъ либеральныхъ идей М. А. Дмитріевъ писалъ Погодину, что извѣстія подтверждаютъ его мнѣніе объ общемъ положеніи дѣлъ: „Страхъ все дѣйствуетъ. Скоро ли отъ него освободишься! Ко мнѣ пишутъ, что хотятъ пересмотрѣть цензурный уставъ. Этого мало! Надобно сдѣлать, чтобы не было министерскихъ предписаній, которыми одними руководствуются цензоры, оставляя уставъ безгласнымъ. Надобно кому-нибудь открыть государю, что въ прошедшее царствованіе предписаніе,

подписанное министромъ, было выше устава, подписаннаго государемъ. Надобно убавить у цензоровъ ихъ позорнаго жалованья и въ замѣну освободить ихъ отъ страха. Да мало ли что надобно!... Трудно будетъ государю! Да и кто надоумитъ его на все это. Кто изъ близкихъ это знаетъ? Военные не знаютъ, а Панины и другіе побоятся, потому что и сами участвовали въ умноженіи общей неурядицы; да Панинъ еще и не понимаетъ всего этого, а другіе боятся понять! Одно средство государю: не вѣрить однимъ избраннымъ и дать доступъ слову всякаго добраго и знающаго подданнаго". Въ это время, по отзыву Погодина, цензура „обезумѣла и не пропускала ничего".

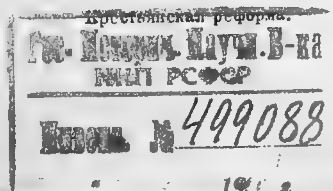
Общее отношеніе къ печати оставалось то же: враждебное и подозрительное. Въ 1857 г. въ дневникѣ Никитенка есть разсказъ о вечерѣ, проведенномъ у гр. Блудова: „Разговоръ о нашей администраціи и о Брокѣ (министрѣ финансовъ), который требуетъ, чтобы ничто, касающееся финансовъ, не печаталось безъ его разрѣшенія, и открыто объявляетъ, что наши писатели приведутъ насъ къ революціи. Я замѣтилъ, что онъ ошибается, что революцію дѣлаютъ не писатели, а неспособные министры". Брока скоро смѣнилъ Княжевичъ, который испросилъ у государя распоряженіе, чтобы было позволено печатать о финансахъ все безпрепятственно, кромѣ возраженій однако на мѣры и постановленія правительства. Вотъ какъ понималась тогда въ высшихъ сферахъ свобода печати и какія распоряженія привѣтствовались какъ важныя улучшенія. При такихъ условіяхъ понятно, что печати было очень трудно говорить по вопросамъ государственнаго права и государственнаго хозяйства. Статья Чичерина „О промышленности и государствѣ въ Англіи" вызвала строгій отзывъ со стороны главнаго цензурнаго управленія „какъ явное осужденіе существующаго у насъ государственнаго порядка". И въ докладѣ приведены были, напр., такія

опасныя мѣста: „Государство, которое обладаетъ обширною и зоркою полиціей, не нуждается въ стѣснительной системѣ внутреннихъ паспортовъ, ибо преступникъ найденъ будетъ и безъ того. Государство, которое увѣрено въ своей силѣ, которое покоится на твердомъ основаніи народной любви, не имѣетъ надобности воспрещать свободное выраженіе мысли гражданъ... Государство не должно запрещать человѣку слѣдовать въ дѣлахъ вѣры внушеніямъ своей совѣсти. Оно не должно смотрѣть на себя какъ на блюстителя общественной нравственности, ибо для этого существуетъ другая власть — общественное мнѣніе... Мысль человѣческая по существу своему свободна; налагать на нее оковы и безразсудно, и безполезно!“. Цензоръ, пропустившій вь печать такія опасныя положенія, извѣстный Крузе, получилъ выговоръ за разрѣшеніе этой статьи Чичерина. Погодинъ написалъ въ 1856 г., записку о цензурѣ, гдѣ высказалъ такую мысль: „Нынѣшняя цензура есть вѣрнѣйшая прислужница революціи и первый, самый опасный врагъ правительства“. Совѣтовались въ это время о цензурѣ и съ Никитенкомъ, въ дневникѣ котораго читаемъ: „Былъ у министра. Онъ спѣшилъ въ засѣданіе главнаго правленія училищъ, но все-же не отпустилъ меня безъ толковъ о цензурѣ. Что могъ сказать я новаго, помимо повторенія одного и того же, а именно, что литературѣ необходимо дать болѣе простора, что въ другомъ духѣ нынче и думать нельзя писать устава, что этого требуютъ и справедливость, и политическое благоразуміе“.

Не будемъ слѣдить здѣсь за дальнѣйшей судьбою цензурнаго вопроса. Всѣ (въ сущности весьма ограниченныя) льготы, которыя были даны печати временными правилами 1865 г., затѣмъ очень быстро были, какъ извѣстно, отняты, и все бо̀льшую и большую силу получалъ въ этомъ дѣлѣ тотъ административный произволъ, который отражается такъ губительно на литера-

турѣ и наукѣ. И вотъ теперь, черезъ 50 лѣтъ, опять стоитъ передъ русскимъ обществомъ вопросъ о пересмотрѣ и исправленіи Цензурнаго устава, когда должно было бы на основаніи пережитаго, обошедшагося столь дорогого опыта говорить теперь объ уничтоженіи цензуры и объ отмѣнѣ всякаго административнаго вмѣшательства въ дѣло печати, на основѣ обезпеченія общей реформой нашего строя.

Недостатокъ свободы печати восполнялся въ указанные годы значительнымъ распространеніемъ въ писанномъ видѣ различныхъ записокъ, писемъ и т. п., посвященныхъ главнымъ текущимъ вопросамъ и злобамъ дня. Большое значеніе имѣли записки Кавелина, Кошелева, Самарина и др. по крестьянскому дѣлу, записки Погодина объ основныхъ задачахъ русской жизни, записка Чичерина о нашей внѣшней политикѣ и т. д. Большимъ вліяніемъ пользовались въ извѣстныхъ кругахъ записки Погодина; въ нихъ онъ высказывалъ много смѣлыхъ истинъ, обращаясь прямо къ государю. Въ запискѣ „Царское время", указавъ на дѣйствіе у насъ системы, въ силу которой государь какъ бы самъ долженъ все дѣлать, всѣмъ заниматься, входить въ мелочи управленія и подписывать безконенныя груды бумагъ, Погодинъ говоритъ: „Несчастная система, низведшая въ гробъ, вмѣстѣ съ внѣшними неожиданными ударами, покойнаго императора Николая Павловича. Увлекшись блистательнымъ примѣромъ предка, онъ не подумалъ, что со временъ Петра I обстоятельства перемѣнились и что петровское дѣланіе, перенесенное въ наше время, становится оптическимъ обманомъ, что большая часть дѣлъ, несмотря на видимую непосредственную зависимость отъ государя, обращается такимъ образомъ въ добычу частнаго произвола, застрахованнаго священнымъ царскимъ именемъ и потому безнаказаннаго, или дѣлается, такъ сказать, сама собою по установленному порядку, вопреки часто его желанію, въ ущербъ общей пользѣ, въ противопо-

ложность Россіи по бумагамъ съ Россіей въ натурѣ". Насколько это можно было тогда въ офиціальной записке, обращенной къ самому государю, Погодинъ высказалъ ту мысль, что самодержавіе дѣлалось фиктивнымъ и замѣнялось произволомъ бюрократіи. Записка Погодина особенно понравилась Дмитріеву, который писалъ ему: „Сколько истины въ томъ, что государю за этимъ хламомъ дрянныхъ дѣлъ некогда заняться дѣломъ, некогда и отдохнуть!" Дмитріевъ приводитъ примѣры того, какъ различныя установленія, принятыя при такомъ порядкѣ, приносили только вредъ дѣлу, напр., „учрежденіе жандармовъ, которое способствовало не къ уничтоженію, а къ систематической организаціи взяточничества, при которой уже не боятся". И такіе порядки вели къ тому, что при государѣ, особенно ревниво относившемся къ своей власти, Высочайше утвержденный уставъ отмѣнялся министерскимъ циркуляромъ. „Покойный государь чрезвычайно заботился о централизаціи и никакъ не замѣтилъ, что онъ велъ вредную централизацію лицъ, а не дѣлъ. Эта централизація отразилась и въ централизаціи покровительства дурнымъ людямъ, и въ централизаціи взятокъ, которыя только въ его царствованіе дошли... до ужасныхъ размѣровъ". Дмитріевъ останавливается въ частности на вопросѣ о положеніи сената и указываетъ на зависимость сената отъ произвола министра юстиціи, который можетъ остановить всякій докладъ сената; но онъ признаетъ, что нельзя думать объ улучшеніи одного сената внѣ другихъ вопросовъ управленія. „Сенатъ улучшился бы самъ собою, если бы улучшились всѣ начала. Ложь, страхъ, самоуправство властей, поклоненіе не закону, а силѣ, недовѣрчивость, подозрительность, излишняя довѣренность къ лицамъ избраннымъ и любимымъ, пресѣченіе мимо ихъ всѣхъ путей правды,— вотъ наши болѣзни".

Кромѣ Погодина, въ то время многіе другіе также

подавали правительству записки, писали письма государю. Никитенку пришлось ознакомиться съ такими письмами Позена, извѣстнаго администратора и дѣльца, принимавшаго участіе въ крестьянской реформѣ. По словамъ Никитенка, письма Позена „написаны смѣло, умно и даже краснорѣчиво. Любопытно въ одномъ изъ нихъ то мѣсто, гдѣ онъ говоритъ о томъ, что народъ ожидаетъ отъ государя улучшенія своего жребія послѣ войны и что въ случаѣ неудовлетворенія этихъ ожиданій надо опасаться всеобщаго неудовольствія. Положеніе народа онъ просто называетъ невыносимымъ“.

Несомнѣнно, что стремленіе къ преобразованіямъ, сознаніе ихъ необходимости основывалось на самой сущности вещей и отношеній. Преобразованія были необходимы, неизбѣжны. Но несомнѣнно также и то, что восточная война окончательно и рѣшительно выяснила эту необходимость, опредѣлила эту неизбѣжность. Не буду подробно останавливаться на войнѣ, на впечатлѣніяхъ, ею вызванныхъ, а приведу только нѣсколько отзывовъ, сдѣланныхъ разными лицами и въ разное время, и по нимъ будетъ видно, какъ относилось общество къ войнѣ, какъ мѣнялось это отношеніе вмѣстѣ съ ходомъ военныхъ событій.

Въ началѣ войны шовинистскій тонъ преобладалъ въ русскомъ обществѣ: „шапками закидаемъ“ было въ первое время офиціознымъ лозунгомъ. Тутъ допускались иногда сомнѣнія, но только особеннаго рода: „Мы, конечно, сильны вѣрою и убѣжденіемъ,— читаемъ въ одномъ частномъ письмѣ того времени: — мы побѣдимъ, но сумѣемъ ли воспользоваться побѣдою? Не обойдетъ ли насъ коварная дипломація, какъ въ 1815 году“. Война началась, и послѣ неуспѣшнаго дѣйствія англичанъ подъ Одессой въ русскомъ обществѣ было ликованіе: положеніе наше представлялось блистательнымъ. Одесса показала немощность вражьихъ силъ противъ русской твердыни. „Теперь сомнѣваться въ побѣдѣ было бы

даже глупо“,—писалъ Юзефовичъ. Но скоро дѣйствительность показала всю неосновательность этихъ взглядовъ, и Россія несла тяжкія пораженія и уроны, положеніе ея сдѣлалось опаснымъ въ военномъ отношеніи, а тутъ же вскрылись и всѣ внутреннія язвы. Мы оказались совсѣмъ неподготовленными къ войнѣ, наша военная сила, которою раньше такъ гордились и на развитіе которой употребляли всѣ средства и всѣ заботы, явилась недѣйствительною, кажущеюся. И патріоты должны были измѣнить свой тонъ. Люди безпристрастные такъ должны были, вмѣстѣ съ Хомяковымъ, оцѣнивать положеніе: „Насъ бьетъ не сила (она у насъ есть) и не храбрость (намъ ея не искать), насъ бьютъ, и рѣшительно бьютъ, мысль и умъ“. „Какими тяжкими испытаніями ведетъ Богъ Россію къ самосознанію, къ уразумѣнію источника бѣдъ и золъ, ее терзающихъ“— писалъ Аксаковъ. Задумываясь надъ военнымъ положеніемъ Россіи и надъ всѣми ея условіями, начинали понимать, сколько наставительнаго въ происходящихъ событіяхъ и явленіяхъ; начинало выдвигаться впередъ сознаніе необходимости коренныхъ преобразованій для обновленія Россіи. Иванъ Кирѣевскій писалъ Погодину въ концѣ 1855 года: „Европа не догадывается, сколько добра извлечетъ Россія изъ того зла, которое она думаетъ ей нанести... Да, любезный другъ, эти страданія — очистительныя, эта болѣзнь — къ здоровью. Мы бы загнили и задохнулись безъ этого потрясенія до самыхъ костей. Россія мучается,—это муки рожденія. Тотъ не знаетъ Россіи и не думаетъ о ней въ глубинѣ сердца, кто не видитъ и не чувствуетъ, что изъ нея рождается что-то великое, небывалое въ мірѣ! Общественный духъ начинаетъ пробуждаться. Ложь и неправда, главныя наши язвы, начинаютъ обнаруживаться“... Кавелинъ пишетъ Погодину же: „Если бы вы могли прочесть сотую долю того, что я по обязанности службы, слѣдовательно официально, читаю о Крымѣ и оргіяхъ та-

мошняго интендантства и о Божьемъ судѣ, совершающемся надъ этою несчастной страной, тамошней арміей и сосѣдними краями — вы бы пришли въ ужасъ. Сотни тысячъ тѣлъ людскихъ и скотскихъ гніютъ, заражая воздухъ и людей; дома дышутъ заразой; партія больныхъ побываетъ въ деревнѣ, и деревня вымираетъ вся, до послѣдняго человѣка. А въ сердцахъ людей гніеніе совершается въ размѣрахъ еще громаднѣйшихъ“.

Если неудачный для Россіи ходъ войны заставлялъ однихъ мѣнять ихъ взгляды и приводилъ къ надеждѣ, что самое зло, самая неудача будутъ полезны для Россіи, то другіе,— но такихъ было, конечно, меньшинство,— съ самаго начала видѣли неизбѣжность пораженія и полагали, что побѣда при данныхъ условіяхъ была бы даже и нежелательна. Грановскій за двѣ недѣли до своей смерти писалъ Кавелину: „Вѣсть о паденіи Севастополя заставила меня плакать. А какія новыя утраты и позоры готовитъ намъ будущее? Будь я здоровъ, я ушелъ бы въ милицію, безъ желанія побѣды Россіи, но съ желаніемъ умереть за нее. Душа наболѣла за это время“.

Но оставимъ войну и ея роль въ общественномъ настроеніи того времени. Обратимся опять къ тѣмъ задачамъ, которыя стояли тогда передъ обществомъ, къ тому общественному оживленію, которое такъ характерно для разбираемаго времени.

С. Т. Аксаковъ такъ опредѣлялъ задачу дня: „устроить наше внутреннее положеніе и поправить, поколику то будетъ возможно, наше нравственное безобразіе“. И однимъ изъ выраженій этого нравственнаго безобразія было выставленіе впередъ „русскихъ началъ и основъ“, для того, чтобы воспрепятствовать необходимымъ реформамъ, для того, чтобы охранить отъ перемѣнъ обветшалый строй. Иванъ Аксаковъ, при своей въ то время чуткой молодости, еще не выступавшій въ качествѣ главнаго наслѣдника и хранителя славянофильства (въ

то время были живы первые славянофилы), съ горячимъ увлеченіемъ обличалъ эту позорную игру съ поклоненіемъ старинѣ и „истиннымъ началамъ русской жизни". Онъ писалъ своему отцу: „Что за комедію разъигрываютъ въ Москвѣ! Читать возмутительно. Впрочемъ возмутительно только по первому впечатлѣнію; все это совершенно въ порядкѣ вещей. Бѣда отъ русскаго направленія, которымъ изволитъ проникаться свѣтское общество. Слова: народность, русскій духъ, православіе производятъ во мнѣ теперь такое же нервическое содраганіе, какъ русское спасибо, русскій баринъ и т. п.; охотно согласился бы прослыть въ обществѣ и западникомъ и протестантомъ"... Въ письмѣ къ брату онъ опять возвращается къ тому же вопросу. „Кромѣ небольшаго кружка людей, такъ отдѣльно стоящаго,—защитники народности — или пустые крикуны, или подлецы и льстецы, или плуты, или понимаютъ ее ложно, или вредятъ дѣлу балаганными представленіями и глупыми похвалами тому, кто не заслуживаетъ похвалы. Будьте, ради Бога, осторожны со словомъ „народность и православіе". Оно начинаетъ производить на меня то же болѣзненное впечатлѣніе, какъ и „русскій баринъ, русскій мужичекъ" и т. д. Будьте умѣренны и безпристрастны (въ особенности мы) и не навязывайте насильственныхъ, неестественныхъ сочувствій къ тому, чему нельзя сочувствовать, къ допетровской Руси, къ обрядовому православію, къ монахамъ. До-петровской Руси сочувствовать нельзя, а можно сочувствовать только началамъ, не выработаннымъ или ложно направленнымъ русскимъ народомъ; но ни одного сквернаго часа настоящаго я не отдамъ за прошедшее"...

Конечно, многія условія русской жизни, непослѣдовательность и неподготовленность правительства и общества къ великому дѣлу обновленія, должны были нерѣдко вызывать сомнѣнія среди сторонниковъ обновленія. Хомяковъ писалъ по этому поводу Юрію Самарину: „Мы

живемъ и дѣйствуемъ въ современной исторіи и, забывая исторію, требуемъ не историческихъ явленій. Я глубоко понимаю и чувствую ваше чувство... Дурно было бы, когда у насъ не было бы этого чувства; нехорошо, когда этому чувству мы позволяемъ преобладать. Медленнаго явленія жизни міровой недостаточно намъ,— дай, Господи, чудо!... Изъ цвѣтнаго гноища петербургской ямы вышло слово, вызывающее милліоны на свободу и на жизнь умственную: это — чудеса. Мало! Давай намъ, Господи, чудеса по нашему рисунку и людей для пониманія этихъ чудесъ, и для воспріятія ихъ въ свои сердца! Вѣковая апатія, со дня на день усилившаяся, должна исчезнуть въ одинъ мигъ?! Привычки устарѣвшія или, лучше сказать, заматерѣвшія и въ то же время еще питаемыя всѣмъ современнымъ строемъ, должны быть брошены разомъ?! На всѣхъ язвахъ должно вдругъ нарости румяное тѣло?! Возможно ли!... Горько, тяжело современное, но говорю съ полнымъ безпристрастіемъ: тѣло, оголившееся отъ мазей, которыми его смазывали или штукатурили, далеко еще не такъ гнусно, какъ я ожидалъ. Правда, общество пляшетъ, дворянство играетъ въ карты, чиновникъ крадетъ, попъ мѣняетъ каноны на гривенники; да вѣдь это дѣлалось всегда, разомъ не перемѣнишься. И тогда, когда придетъ Сынъ человѣческій, развѣ не то же? Онъ найдетъ міръ, плетущійся по своимъ привычнымъ колеямъ. Изъ чего же биться? Если бы вы не полагали лучшаго возможнымъ, если бы вы нигдѣ его не видали на землѣ, вы не приходили бы ни въ негодованіе, ни въ уныніе, когда вы не увидите его въ Россіи. Правда, это лучшее только сравнительно лучше и разумнѣе, но къ нему обязаны мы стремиться, и оно будетъ достигнуто. Надежда такъ же обязательна, какъ вѣра и любовь"...

Въ то время, какъ Хомяковъ утѣшалъ такъ Самарина, молодой Иванъ Аксаковъ, разъѣзжавшій по провинціи, смотрѣлъ иначе на настроеніе русскаго общества,

видѣлъ другіе слои его. Онъ писалъ своимъ родителямъ: „Много я ѣздилъ по Россіи: имя Бѣлинскаго извѣстно всякому сколько-нибудь мыслящему юношѣ, всякому жаждущему свѣжаго воздуха среди вонючаго болота провинціальной жизни. Нѣтъ ни одного учителя гимназіи въ губернскихъ городахъ, который бы не зналъ наизусть письма Бѣлинскаго къ Гоголю; въ отдаленныхъ краяхъ Россіи только теперь еще проникаетъ это вліяніе и увеличиваетъ число прозелитовъ. Тутъ нѣтъ ничего страннаго. Всякое рѣзкое отрицаніе нравится молодежи, всякое негодованіе, всякое требованіе простора, правды принимается съ восторгомъ тамъ, гдѣ сплошная мерзость, гнетъ, рабство, подлость грозятъ поглотить человѣка, убить въ немъ все человѣческое. „Мы Бѣлинскому обязаны своимъ спасеніемъ",— говорятъ мнѣ вездѣ молодые честные люди въ провинціи. И на самомъ дѣлѣ, въ провинціи вы можете видѣть два класса людей: съ одной стороны, взяточниковъ, чиновниковъ въ полномъ смыслѣ этого слова, жаждущихъ лентъ, крестовъ и чиновъ, помѣщиковъ, презирающихъ идеологію, привязанныхъ къ своему барскому достоинству и крѣпостному праву, вообще довольно гнусныхъ. Вы отворачиваетесь отъ нихъ, обращаетесь къ другой сторонѣ, гдѣ видите людей молодыхъ, честныхъ, возмущающихся зломъ и гнетомъ, поборниковъ эмансипаціи и всякаго простора, съ идеями гуманными... И если вамъ нужно честнаго человѣка способнаго сострадать болѣзнямъ и несчастіямъ угнетенныхъ, честнаго доктора, честнаго слѣдователя, который полѣзъ бы на борьбу,— ищите таковыхъ въ провинціи между послѣдователями Бѣлинскаго. О славянофильствѣ здѣсь въ провинціи и слыхомъ не слыхать, а если и слыхать, такъ отъ людей, враждебныхъ направленію. Да оно и не можетъ возбуждать сочувствія молодежи, лѣзущей впередъ, оно требуетъ большой справедливости, безпристрастнаго разумѣнія, основательности и пр. Требованія эмансипаціи, желѣзныхъ

путей и проч., и проч., сливающіяся теперь въ одинъ общій гулъ по всей Россіи, первоначально возникли не отъ насъ, а отъ западниковъ, а я помню время, когда, къ сожалѣнію, славянофилы, хотя и не всѣ, противились и желѣзнымъ дорогамъ, и эмансипаціи, — послѣдней потому что она формулирована была подъ вліяніемъ западныхъ идей. Да и что дѣлать бѣдной провинціи, если она ищетъ свѣта и обращается за нимъ къ литературной дѣятельности столицы". Я привелъ это извѣстное мѣсто изъ письма Аксакова потому, что оно такъ живо характеризуетъ и настроеніе провинціи, и взаимныя отношенія, значеніе литературныхъ партій.

Характерною чертой времени была проповѣдь единенія. Кавелинъ писалъ Погодину въ концѣ 1885 г.: „Время теперь такое, что всѣмъ честнымъ и благомыслящимъ людямъ въ Россіи надо позабыть о взаимныхъ неудовольствіяхъ, личныхъ, литературныхъ и научныхъ, и поставить несогласіе въ образѣ мыслей на второй планъ, а на первый — единство, довѣріе, взаимное соглашеніе хоть въ томъ, съ чѣмъ согласиться можно, а такихъ пунктовъ гораздо больше, чѣмъ кажется съ перваго взгляда. Теперь больше, чѣмъ когда-нибудь, можетъ-быть, столько же, какъ въ 1612 году, Россія требуетъ вѣрной службы отъ своихъ сыновъ и знать не хочетъ ихъ маленькихъ несогласій. Много и много надобно было бы перетолковать, чтобы не поддерживать духа раздвоенія, ненависти и подозрѣній въ теперешнее трудное и многозначительное время... То ли дѣло, если всѣ голоса будутъ за одно, чѣмъ когда каждый поетъ свое и немощенъ въ одиночку?"

И этотъ призывъ, съ которымъ обращался не одинъ Кавелинъ, имѣлъ вліяніе на ходъ дѣла, на общественныя и литературныя отношенія времени. Споры и пререканія были оставлены или по крайней мѣрѣ ослабѣли, а по основному вопросу, по выработкѣ великаго акта освобожденія, по подготовкѣ и пропагандѣ великаго

дѣла шла дружная работа и западниковъ, и славянофиловъ, представителей болѣе радикальнаго и болѣе либеральнаго образа мыслей, людей болѣе опредѣленныхъ воззрѣній и людей, менѣе рѣзко окрашенныхъ. Всѣ усердно и самоотверженно работали и въ литературѣ, и въ дворянскихъ собраніяхъ или комитетахъ, и въ редакціонныхъ коммиссіяхъ, и просто въ обществѣ, въ жизни, кто какъ могъ, и въ той средѣ, гдѣ онъ находился. Эта дружная работа общественныхъ силъ явилась важнымъ и особенно благопріятнымъ условіемъ для лучшаго и скорѣйшаго разрѣшенія великой освободительной задачи.

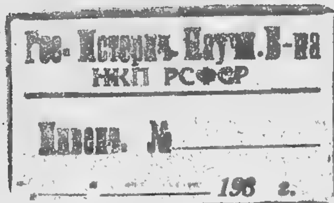
Какъ было уже оговорено въ началѣ стать и, сообщаемые въ ней факты не даютъ ничего новаго, неизвѣстнаго; самый запасъ фактовъ могъ бы быть много увеличенъ, и сопоставленія могли бы быть ярче и полнѣе. Но, не задаваясь широкими цѣлями, на основѣ нѣсколько случайнаго матеріала я хотѣлъ напомнить читателю нѣсколько характерныхъ фактовъ, такъ какъ въ нихъ заключается много наставительнаго, много такого, что напоминаетъ теперешнія отношенія, современное положеніе, переживаемыя нами теперь условія. Мы видимъ, что пятьдесятъ лѣтъ назадъ, при томъ оживленіи, какое сказалось въ русскомъ обществѣ въ началѣ царствованія Александра II, когда чувствовалась необходимость общаго обновленія Россіи, были выдвинуты и обсуждались тѣ же основные вопросы, которые ставятся и обсуждаются теперь. Мы видимъ тутъ и общій вопросъ о произволѣ бюрократіи и ея неспособности вести дѣло управленія, и вопросъ о законности, о положеніи сената, о цензурѣ и пр. И эти вопросы приводили тогда, какъ приводятъ и теперь, къ постановкѣ вопроса о коренномъ измѣненіи всего строя: на этой реформѣ останавливались и Никитенко, и Погодинъ, къ нему подходили и Дмитріевъ, и Кавелинъ. Извѣстно, что этотъ вопросъ былъ поднятъ представителями дво-

рянѣ при заключенiи работъ по крестьянскому дѣлу. Но всѣ эти вопросы не были тогда рѣшены, и вотъ теперь, черезъ пятьдесятъ лѣтъ, они съ новой силой выступаютъ передъ русскимъ народомъ. Въ то время, во второй половинѣ 50-тыхъ годовъ, властно выдвинулся впередъ вопросъ объ освобожденiи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Вопросъ этотъ, уже давно занимавшiй собою и правительство, и общество, и литературу, особенно важный для народа, долженъ былъ быть рѣшенъ какъ можно скорѣе, раньше другихъ, и послужить основой для дальнѣйшихъ реформъ. „Изъ всѣхъ вопросовъ — вопросъ, изъ всѣхъ золъ — зло, изъ всѣхъ несчастiй нашихъ — несчастье есть крѣпостное право, — писалъ Кавелинъ. — Не то, чтобы мало было у насъ худого и отвратительнаго и безъ того; но все, что вы ни возьмете, прицѣпляется къ этому коренному злу и легко измѣнится къ лучшему, когда его не будетъ“. Такъ это и совершилось: сначала было проведено уничтоженiе крѣпостнаго права, и на этой основѣ начались другiя реформы, судебная, земская, но затѣмъ настала реакцiя, все усиливашаяся и все забиравшая больше власти. Въ силу этой реакцiи не только всѣ необходимыя реформы не были проведены, но и тѣ реформы, которыя осуществлялись, и въ своей постановкѣ, и въ своемъ практическомъ примѣненiи получали значительныя ограниченiя, несли сильный ущербъ. Основныя условiя, отрицательное значенiе которыхъ и необходимость ихъ измѣненiя были выдвинуты въ срединѣ пятидесятыхъ годовъ, продолжали существовать, почему всѣ преобразованiя и оказывались безъ достаточной гарантiи, подвергались искаженiю.

Внѣ всякаго сомнѣнiя, что съ крѣпостнымъ правомъ должно было покончить прежде всего, какъ это и было сдѣлано. И можно думать, что для дѣятелей того времени представлялось вполнѣ вѣроятнымъ, что другiя реформы затѣмъ могутъ пострадать. Въ одномъ изъ

писемъ Кавелина, въ самомъ началѣ царствованія Александра II, мы читаемъ: „Готовъ по крайнему убѣжденію моему отдать все свое да вдобавокъ принять лѣтъ на пятьдесятъ теперешней неурядицы и беззаконія въ Россіи, если бы этими жертвами можно было бы купить въ пять лѣтъ совершенное освобожденіе мужика съ тою землей, которою онъ теперь владѣетъ“... Это были пророческія слова, — какъ-разъ около пяти лѣтъ прошло съ этого письма до освобожденія крестьянъ, съ сохраненіемъ именно „неурядицы и беззаконія“ на пятьдесятъ лѣтъ. И теперь, черезъ пятьдесятъ лѣтъ, вопросъ объ уничтоженіи неурядицы и беззаконія стоитъ передъ нами.

Конечно, нельзя сказать, чтобы въ настоящее время передъ нами не было важныхъ экономическихъ вопросовъ, настоятельно требующихъ скорѣйшаго рѣшенія, да и самое крестьянское дѣло настолько пострадало отъ „неурядицы и беззаконія“, что и его нужно скорѣе исправлять. Но теперь тѣ политическіе вопросы, которые были сознаны и поставлены пятьдесятъ лѣтъ назадъ, окончательно выдвинулись впередъ, властно требуютъ своего рѣшенія, а продолжительный и дорогой опытъ вполнѣ убѣдилъ насъ въ неразрывной зависимости и соціальныхъ, и экономическихъ вопросовъ отъ правильнаго рѣшенія общихъ политическихъ задачъ: теперь невозможно было бы отодвигать это рѣшеніе. Пора черезъ пятьдесятъ лѣтъ завершить зданіе освобожденія, фундаментъ котораго заложенъ 19 февраля 1861 г.

Изданія „НАРОДНОЕ ПРАВО“.

А.

№ 1. **Ѳ. Кокошкинъ.** Объ основаніяхъ желательной организаціи народнаго представительства въ Россіи.

Б. Серія изданій для народа.

Брошюры:

№ 1. **Н. Р.** О свободѣ личности. 2-е изд. Ц. 1 коп.

№ 2. **И. П. Бѣлоконскій.** Что такое земство, что оно сдѣлало для народа и какимъ должно быть. 2-е изд. Ц. 5 коп.

№ 3. Какъ управляются народы въ Россіи и другихъ странахъ. 2-е изд. Ц. 3 коп.

№ 4. **И. Н. Игнатовъ.** Беранже. Ц. 10 коп.

№ 5. **Т. Н. Львовъ.** Какого слѣдуетъ держаться порядка при производствѣ выборовъ народныхъ представителей. 2-е изд. Ц. 5 коп.

№ 6. **Т. Н. Львовъ.** Что такое избирательное право и какъ должны производиться выборы. 2-е изд. Ц. 2 коп.

№ 7. **А. А. Титовъ.** Мировые судьи и земскіе начальники. Ц. 5 коп.

№ 8. **А. Курсановъ.** Какъ русскій народъ управлялся въ старину. Ц. 2 коп.

№ 9. **И. Н. Игнатовъ.** Гарибальди. Ц. 10 коп.

№ 10. Крестьянамъ. О конституціонно-демократической партіи. Ц. 1 коп.

№ 11. **И. М. Катаевъ.** Стенька Разинъ. Ц. 6 коп.

№ 12. **П. Муратовъ.** Борьба за избирательное право въ Англіи. Ц. 15 коп.

№ 13. О чиновникахъ и народномъ правленіи. Ц. 4 коп.

№ 14. **Е. И. Боголюбовъ.** Спартакъ. Ц. 5 коп.

№ 15. **Ю. Баршевъ.** Крестьянское малоземелье и способы борьбы съ нимъ. Ц. 5 коп.

№ 16. Евреи въ Россіи. Ц. 6 коп.

№ 17. **Шпирельманъ.** Земельная реформа въ Ирландіи. Ц. 5 к.

№ 18. **Т. Н. Львовъ.** Учрежденіе Государственной Думы. Ц. 5 к.

№ 19. **В. Е. Якушкинъ.** Декабристы.

Листки.

№ 1. Вопросы и отвѣты о выборахъ народныхъ представителей Составилъ Владимиръ Ермиловъ. Ц. за сотню 40 коп.

№ 2. О свободѣ печати. Ц. за сотню 50 коп.

№ 3. О манифестѣ 17-го октября. Ц. за сотню 80 коп.

№ 4. О манифестѣ 3-го ноября. Ц. за сотню 80 коп.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ:

Москва. Книжный складъ „Народное Право“. Бол. Никитская, Чернышевскій пер., д. Пустошкина, кв. 26 (**денежную** корреспонденцію **обязательно** направлять по адресу склада Ю. Топорковой); Арбатъ, Староконюшенный пер., д. 37, кв. 6, и магазины: „Сотрудникъ Школъ“ (Воздвиженка, домъ Армандъ) и „Трудъ“ (Тверская, 38).

Петербургъ. „Бюро конституціонно-демократической партіи“. (Моховая, д. 33—35) и книжный магазинъ „Трудъ“ (Невскій, 60).

